

ВОПРЕКИ УСЛОВНОСТЯМ

щиках-героях Великой Отечественной войны. Мысленно он уже видит в газете три колонии своего полотна и свою фамилию крупным шрифтом, причем не под матерьялом, а сверху, над ним. Для этого у молодого журналиста, который всего три года работает в редакции газеты, были все основания. Ведь он уже успел прочитать гранки, да и сам ответственный секретарь сказал, что очерк удался.

Однако, поехав отдыхать к морю, Алексей случайно знакомится с девушкой-москвичкой Машей. Выяснилось, что она дочь бывшей подпольщицы Людмилы Зайковской, показанной в очерке предательницей, на чьей совести — гибель честных патриотов. Ознакомившись с письмами матери, переданными ему Машей, Алексей начинает сомневаться в предательстве Зайковской. Наконец, он снимает свой очерк с полосы. Он хочет верить в честность женщины, написавшей такие замечательные письма, хочет убедиться, что человек, которого много лет считали предателем, в действительности был честным и мужественным, был патриотом. И начались трудные поиски Алексеем истины, его поездки от одного очевидца к другому, его борьба против малочисленных и равнодушных, а то и нечестных людей. Он не останавливался на полдороге и добился победы.

Вот тут в показе многих встреч Алексея с теми, кто так или иначе сталкивался с Людмилой, в «паглядной иллюстрации» разных событий, происшедших с героями пьесы, пришел на помощь условности, о которых шла речь вначале. Больше того, нам кажется, что без этих условностей едва ли удалось бы автору инсценизации Г. Макаровичу так щедро передать богатое содержание повести Игоря Голосовского языком драматургии и почти невозможно было бы сделать то же самое режиссеру спектакля В. Маринину языком сценического искусства.

Что и говорить, перед нами пример нового, необычного для нашей публики подхода к решению сложных творческих задач. И хотя

ГАСТРОЛИ МУКАЧЕВСКОГО РУССКОГО ДРАМАТЕАТРА В УЖГОРОДЕ

при перенесении повести на сцену не обошлось без потерь, а возможно, порой и без неоправданных отступлений, все же спектакль хорошо воспринимается, насыщенный большим идейным содержанием, драматически напряжен. Интересно, что зритель, захваченный быстрым развитием событий, весь «погружается» в них и не замечает многих условностей спектакля. В этом мы видим немалую творческую удачу режиссера В. Маринина, который вместе со всем коллективом исполнителей и художником А. Сурниковым не побоялся пойти на определенный риск.

Большую идейную нагрузку несет главный герой спектакля Алексей Трофимов. «Я заинтересован в том, чтобы она оказалась честным человеком», — говорит он о Зайковской, и в этом вся душа журналиста Трофимова. Артист Л. Луцкий раскрывает перед нами этот характер со всем присущим ему талантом подкупать зрителя правдой мыслей, чувств и поступков. Вера во все лучшее, заложенное в человеке, простота и искренность, прямота и честность, любовь к своему делу и высокая ответственность за него — эти черты присущи Трофимову-Луцкому органически, неотъемлемо. Избегая примитивности и дешевого эффекта, он замечательно проводит самые различные сцены. Особенно волнует финальный, где он является свидетелем и, так сказать, организатором встречи Маши и Зайковской, дочери и матери, ставших друг друга умершими. Кстати, и артистка Г. Назаревич, исполняющая роль Зайковской, которая потом, чудом спасшись из тюрьмы, становится Галей Наливайко, лучше всего проводит именно эту сцену. Что касается артистки Ф. Леонгардт, то следует отметить некоторую холодность, недостаточную глубину переживаний ее Маши. Возможно, здесь дало себя знать и то, что по сравнению с повестью, линия личных взаимоотношений между Машей и Алек-

сеем сведена в постановке до минимума и поэтому первой почти не приходится играть роль девушки, а только охваченной горем и надеждами дочери.

Полюсценный образ создал артист О. Малинский. В его трактовке ответственный секретарь газеты предстает, как и в повести, добродушным и общительным, а одновременно и несколько суховатым человеком, готовым ради избежания лишних хлопот не поддерживать Трофимова в его благородных намерениях. В то же время нельзя одобрить засушенность, одноплановость образа заведующего партархивом Томиллина (артист В. Столярков). В повести речь идет о том, что он оберегает Трофимова от некоторых промахов. Недаром сам Алексей, называя его в произведении умным, сдержанным и опытным, говорит: «Как хорошо, что на моем пути встретился такой человек!». Нам кажется, что отступление от повести в трактовке этого образа ничем не оправдано.

Среди исполнителей других ролей следует выделить Л. Брухиса. Однокаково хороши и его по-мирному запытый, несколько даже растерянный инженер и решительный, находчивый и смелый разведчик Черныш. Удачно создает образ простодушной и сердечной санитарки тети Дуси артистка Н. Будникова. Чутко и внимательно к людям секретарь обкома в исполнении заслуженного артиста УССР А. Егорова.

Сравнились со своими ролями актеры М. Циркин (переводчик фашистской полиции Чудовский), А. Кравчукоский, создающий два образа — обходчика бывшего надзирателя тюрьмы Майбороды и шефа полиции, Н. Ляховедкая (вдова Тимчука) и другие. Своей идейной направленностью, страстным призывом верить в человека, в его лучшие черты, спектакль мукачевцев «Хочу верить» достойно продолжает тему, так хорошо поднятую нашими гостями в спектакле «Океан» А. Штейна. У коллектива еще одна удача, еще одна радость, и зрители охотно разделяют ее с артистами театра.

Ю. ШКРОБИНЕЦ.

Закарпатская правда
г. Ужгород

20 МАЯ 1962

УЖЕ С СЕДОЙ СТАРИНЫ

зритель привык к театральным условностям. Видя на сцене, скажем, макет корабля или изображение чудесного леса, он никогда не протестует, что корабль ненастоящий, что лес неживой. Без подобных «эрзацев» спектакля нет и не может быть, и это хорошо понимает каждый, кто идет в театр. Но если ни один спектакль не обходится без условностей, то спектакль Мукачевского русского драматического театра «Хочу верить» просто «переполнен» условностями.

Перед нами ничего не скрывают; заходя в зал, мы видим сцену «во всеоружии». Занавес выходит из «роли» и никакого участия в спектакле не принимает. Не меняется на протяжении всего спектакля и внешнее оформление. По сторонам сцены — два телефона, есть стол, стулья, похожие на подставки, есть площадки, символизирующие собой комнаты или что-либо другое, есть экран формы неправильного пятиугольника, на котором, в зависимости от места действия, появляется световое изображение того или иного фона. На упомянутых площадках с комплексом ступенек могут происходить сцены в редакции газеты или на квартире героини, на берегу моря или в фашистском застенке.

Не будем описывать всех деталей обстановки, в которой приходится выступать участникам этого спектакля, и прежде всего ее главному герою Алексею Трофимову. Гораздо важнее выяснить, как же чувствует он себя вместе с товарищами в этих необычных условиях сцены, мы бы сказали, среди этих богатейших условностей. Но прежде — несколько слов о главном герое.

Он журналист, работник одной из центральных газет. Ничем не примечательный. Ему 27 лет, он не женат, но это не играет существенной роли в спектакле. «Первоисточником» всего действия, сюжета и конфликта, стало то, что Алексей написал очерк о подполь-